

Научная статья

УДК 82.02

doi: 10.17223/19986645/80/15

Слово в романе и слово в мифе: М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев

Вячеслав Тависович Фаритов¹

¹ Самарский государственный технический университет,
Самара, Россия, vfar@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу философских мотивов учений о слове в романе и в мифе М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева. На основе проведенного анализа работ названных авторов делается вывод, что учения о слове двух мыслителей являются антагонистическими по своей направленности. В то время как Лосев трактует слово в качестве мифа, Бахтин усматривает истоки романного «разноречия» в процессе разложения национального мифа.

Ключевые слова: слово, роман, миф, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Ф. Ницше, трансгрессия

Для цитирования: Фаритов В.Т. Слово в романе и слово в мифе: М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 306–317. doi: 10.17223/19986645/80/15

Original article

doi: 10.17223/19986645/80/15

The word in the novel and the word in the myth:

Mikhail Bakhtin and Aleksei Losev

Vyacheslav T. Faritov¹

¹ Samara State Technical University, Samara, Russian Federation, vfar@mail.ru

Abstract. The article compares the philosophical motives of the teachings about the word in the novel and in the myth of Mikhail Bakhtin and Aleksei Losev. The article highlights two opposite trends in modern linguistic and philosophical studies of the phenomenon of language. On the one hand, there is a movement towards decentralization and relativization of linguistic consciousness. On the other hand, there is a tendency to reveal language as a single center of being and thinking. These are two fundamental and opposite paradigms in the humanities of the twentieth century. The article provides an explication of the origins of these paradigms on the basis of a comparative analysis of the concepts of Bakhtin and Losev – key figures in the field of humanitarian and philosophical thought of the last century. The basis for a comparative study is the fact that for both Losev and Bakhtin language is the main subject of their conceptual developments. At the same time, both thinkers follow such different paths that they can be characterized as the greatest antagonists in philosophical and humanitarian thought. Bakhtin's developments are most consistent with the trends that have become widespread in modern times (the end of the 20th and the 21st centuries).

Losev's ideas, despite their indisputable significance, largely fall out of the context of modernity. If Bakhtin anticipates the way of thinking of the postmodern era, then Losev constitutes a significant antithesis in relation to this culture. This divergence in the positions of the two thinkers is most clearly manifested in their approaches to the interpretation of the word. First of all, attention is drawn to the fact that Bakhtin's significant works are dedicated to the problem of the word in the novel. Losev, in turn, considers the word mainly in myth. This difference in areas of study is not accidental and cannot be explained solely by the personal preferences of the two thinkers. In the sphere of linguistic consciousness, myth and novel are two extreme and opposite poles. The myth is formed in the early stages of culture and corresponds to the period of assertion of national self-consciousness. The novel is formed and acquires a predominant significance in the later eras of culture, characterized by the decomposition of established forms. Between these two extreme limits are such forms of linguistic consciousness as poetry, epic, drama. It is important, therefore, to take into account that the novel is not only one of the genres of literature, but a special point of view on the world. And, according to Bakhtin, this point of view of the world is not simply opposed to myth, but requires – as a necessary condition for its emergence – the decomposition of the mythical form of linguistic consciousness. The studies of Losev and Bakhtin show that both the myth and the novel are based on a well-defined ontology. The comparative analysis of the concepts of thinkers allows substantiating the position that in each case we are talking about fundamentally different types of ontological interpretation of the world. The point of intersection of the concepts is the doctrine of the word as a special sphere of self-disclosure of being.

Keywords: word, novel, myth, Aleksei Losev, Mikhail Bakhtin, Friedrich Nietzsche, transgression

For citation: Faritov, V.T. (2022) The word in the novel and the word in the myth: Mikhail Bakhtin and Aleksei Losev. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 306–317. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/15

«Лингвистический поворот» выступает в качестве одного из наиболее значимых событий в сфере гуманитарного знания XX в. [1. С. 169]. Фундаментальные открытия в области лингвистики, с одной стороны, и кризис европейской метафизики, с другой стороны, приводят к кардинальному переформатированию пространства философского дискурса. В XIX в. была тщательно разработана философия языка, где язык выступал в качестве предмета философского осмысления в категориях западной метафизики. В XX в. само философское осмысление мира осуществляется в категориях лингвистики и литературоведения. Это новое направление воплотилось в семиотике, структурализме и постструктурализме. Границы между лингвистикой, литературоведением и философией здесь становятся зыбкими и подвижными.

Вместе с тем можно выделить две противонаправленные тенденции. С одной стороны, наблюдается движение в направлении децентрализации и релятивизации языкового сознания, с другой – обнаруживается тенденция к раскрытию языка в качестве единого центра бытия и мышления. Это две фундаментальные и противоположные парадигмы в гуманитарных науках XX в. Попытаемся выявить истоки этих парадигм на материале

сравнительного анализа концепций М.М. Бахтина и А.Ф. Лосева – ключевых фигур в сфере гуманитарной и философской мысли прошлого столетия. Основанием для компаративного исследования выступает тот факт, что и для Лосева и для Бахтина язык является основным предметом их концептуальных разработок. При этом направления их исследований столь различны, что названных мыслителей можно охарактеризовать в качестве величайших антагонистов в философской и гуманитарной мысли. Разработки Бахтина в наибольшей степени отвечают тенденциям, получившим распространение в современности (конец XX – XXI вв.). Идеи Лосева – при их бесспорной значимости – во многом выпадают из контекста современности. Если Бахтин предвосхищает образ мысли эпохи постмодерна, то Лосев составляет по отношению к этой культуре значимую антитезу. Это расхождение в позициях двух мыслителей проявляется в их походах к трактовке слова.

В первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что значимые работы Бахтина посвящены проблеме слова в романе. Лосев в свою очередь рассматривает слово преимущественно в мифе. Это различие областей исследования не случайно и не может быть объяснено исключительно личными предпочтениями двух мыслителей. В сфере языкового сознания миф и роман представляют собой два крайних и противоположных полюса. Миф складывается на ранних стадиях культуры и соответствует периоду утверждения национального самосознания. Роман формируется и получает преобладающее значение в поздние эпохи культуры, характеризующиеся разложением устоявшихся форм сознания. Между этими мифом и романом, согласно Бахтину, располагаются поэзия, эпос, драма. Важно, таким образом, учитывать, что роман представляет собой не только один из жанров литературы, но особую точку зрения на мир. И, согласно Бахтину, эта точка зрения на мир не просто противоположна мифу, но требует – в качестве необходимого условия своего возникновения – разложения мифической формы языкового сознания.

Исследования Лосева и Бахтина показывают, что в основании как мифа, так и романа лежит определенная онтология. Сравнительный анализ концепций мыслителей позволяет обосновать положение, что в каждом случае речь идет о принципиально различных типах онтологического истолкования мира. Точкой пересечения концепций является учение о слове как об особой сфере самораскрытия бытия. Эта интенция характерна для литературоведческих исследований Бахтина не в меньшей степени, чем для философско ориентированных работ Лосева. И Бахтин в своей работе о слове в романе ставит задачу осуществить «радикальный пересмотр философской концепции поэтического слова» [2. С. 22]. Постановка такой задачи свидетельствует о том, что прежние философские концепции, на которых базировались филологические исследования, уже исчерпали свой потенциал и утратили свою силу, перестали отвечать духу и вызовам времени.

Бахтин в своем исследовании романного слова эксплицирует ту онтологию, которая соответствует основным тенденциям онтологии неклассиче-

ского, постметафизического типа, – онтологию постмодернизма. Следует сразу отметить, что речь здесь идет вовсе не о «постмодернистской» художественной прозе. Именно роман – в своих классических образцах – утверждает такую «точку зрения» на мир, которая в наибольшей степени соответствует онтологии постмодернизма.

Нам могут возразить, что роман в истории литературы появляется задолго до наступления эпохи постмодернизма. На это следует ответить, что процесс разложения онтологии одного типа и утверждения онтологии другого типа занимает не одно столетие. Кроме того, необходимо учитывать циклический характер истории культуры. Согласно Бахтину, становление романного жанра связано с периодом разложения устоявшихся традиционных форм культурной и общественной жизни: «Так появляются зачатки романной прозы в разноречивом и разноречивом мире эллинистической эпохи, в императорском Риме, в процессе разложения и падения средневековой церковной словесно-идеологической централизации. Так и в Новое время расцвет романа связан всегда с разложением устойчивых словесно-идеологических систем и с усилением и интенционализацией в противовес им языковой разноречивости как в пределах самого литературного диалекта, так и вне его» [2. С. 130]. Современная эпоха постмодерна – очередной виток в этом цикле.

Рассмотрим более подробно онтологические импликации романного слова в виде задачи сопоставления с учением о слове в мифе, предложенным Лосевым. Для Бахтина слово в романе не замкнуто, оно направлено вне себя, за пределы своих границ: «значащее слово живет вне себя, то есть своей направленностью вовне» [2. С. 112]. Слово в романе, таким образом, *трансгрессивно*: оно выражает центробежные силы языка, «процессы децентрализации и разъединения» [2. С. 27]. Слово – «арена встречи», сфера, в которой происходит «взаимодействие разных контекстов, разных точек зрения, разных кругозоров, разных экспрессивно акцентных систем, разных социальных “языков”» [2. С. 38]. Однако и Лосев говорит о слове как об «арене встречи», как об «интимном единстве разъятых сфер бытия». И для Лосева слово «есть выхождение из узких рамок замкнутой индивидуальности. Оно – мост между “субъектом” и “объектом”» [3. С. 113].

Но это внешнее сходство не должно вводить нас в заблуждение. И у Лосева и у Бахтина слово не замкнуто в собственных границах, оно живет в состоянии перманентного перехода границ и само есть процесс этого перехода. Однако у Бахтина речь идет о *горизонтальном* переходе: слово в романе всегда находится в диалогическом взаимодействии с чужим словом, эксплицирующим иные точки зрения на мир, иные контексты и т.п. В онтологическом плане здесь не происходит перехода к иным уровням бытия. Трансгрессия не выводит слово за пределы словесного пространства диалога или полилога, пересечение точек зрения и контекстов остается в сфере дискурса. Впоследствии это учение о напряженной борьбе слова и чужого слова получит свое выражение в постмодернистской теории гегемонии дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф [4]. В конце концов, в постструктуралистских теориях все будет сведено к игре знаков [5].

У Лосева, напротив, речь идет о сопряжении в слове различных пластов бытия. В имени осуществляется смысловая встреча предмета и сущности [3. С. 230]. Слово как символ есть «не эйдос, но воплощенность эйдоса в инобытии», «в символе мы находим инобытийный материал, подчиняющийся в своей организации эйдосу» [3. С. 178]. Речь, таким образом, идет о диалектическом взаимодействии иерархически различающихся бытийных пластов. Отсюда следует, что переход границы у Лосева носит не трансгрессивный характер. В символе утверждается не множественность и гетерогенность как таковая, но единство в различии. В символе встречаются и сопрягаются, проникают друг в друга трансцендентное и имманентное. Метафизическая вертикаль воплощается в абсолютное бытие и абсолютный смысл: «Предполагая чувственное инобытие и чувственно-алогическое становление, символ для уразумения требует преодоления этой инобытийной сферы, ибо он есть, как чисто смысловая картинность, все же нечто устойчиво-раздельное и четко очерченное. Но преодолевая это инобытие, мы видим, что оно все время переходит в устойчивость и смысл, что оно не просто уничтожается (тогда был бы просто первоначальный эйдос, и никакого символа не было бы), но *эйдетизируется*, осмысляется, переходит в вечность устойчивого смысла, уже нового по сравнению с тем отвлеченным смыслом, какой был в первоначальном эйдосе» [3. С. 179].

Миф как имя, как слово и как символ есть, таким образом, полагание и утверждение вечности. Но это не вечность метафизики, в своей абстрактности оторванная от времени и становления. Это вечность как диалектическая сопряженность «антиномических конструкций смысла» [3. С. 83]. В символе эйдос воплощается в инобытии, преодолевая свою идеальную отвлеченность и трансцендентность, в то время как инобытие обретает устойчивый смысл, преодолевая свою неосмысленность. Конструкция слова–символа–мифа у Лосева, таким образом, вертикальна. Мифу присущ символизм, утверждающий «полное равновесие между “внутренним” и “внешним”, идеей и образом, “идеальным” и “реальным”» [6. С. 76]. Тождество здесь не исключает различия, различие не устраняет тождества: «Символ есть самостоятельная действительность. Хотя это и есть встреча двух планов бытия, но они даны в полной, абсолютной неразличимости, так что уже нельзя указать, где “идея” и где “вещь”. Это, конечно, не значит, что в символе никак не различаются между собою “образ” и “идея”. Они обязательно различаются, так как иначе символ не был бы выражением. Однако они различаются так, что видна и точка их абсолютного отождествления, видна сфера их отождествления» [6. С. 76–77].

Таково – в общих чертах – лосевское учение о слове в мифе (подробный анализ см. [7]). Теперь мы можем дать более развернутое обоснование тезиса об антагонизме романного слова по отношению к слову мифическому. Согласно Бахтину, становление романного разноречия непосредственным образом направлено именно против нераздельной власти мифа над языком: «Дело идет об очень важном и, в сущности, радикальном перевороте в

судьбах человеческого слова: о существенном освобождении культурно-смысловых и экспрессивных интенций от власти одного и единого языка, а следовательно, и об утрате ощущения языка как мифа, как абсолютной формы мышления» [2. С. 126]. Выше мы показали, что для Лосева миф, мифическое слово-символ и есть не что иное, как абсолютная форма мышления. В сфере социального бытия процесс освобождения слова от власти мифа соответствует процессу разложения иерархического устройства общества: «Замкнутое сословие, каста, класс в своем внутренне-едином и устойчивом ядре, если они не охвачены разложением и не выведены из своего внутреннего равновесия и самодовления, не могут быть социально продуктивной почвой для развития романа: факт разноречия и разноязычия может здесь спокойно игнорироваться литературно-языковым сознанием с высоты его непрерываемо-авторитетного единого языка» [2. С. 127]. В контексте философских изысканий XX в. разложение и выведение из равновесия сословий рассматривается как условие возникновения масс, «четвертого сословия». Исчерпывающую характеристику феномена массы мы находим, например, у О. Шпенглера: «Это нечто абсолютно бесформенное, испытывающее ненависть к любым формам, к любым иерархическим различиям, к любой собственности и упорядоченному знанию. Это новые городские кочевники, для которых рабы и варвары античности, шудры в Индии и вообще все, что представляет из себя человек, в равной мере является чем-то текучим, совершенно оторванным от своих истоков, отказывающимся признавать свое прошлое и не имеющим будущее» [8. С. 1137].

Массовое общество и романский жанр в литературе – явления коррелятивные, в основании которых лежит одно и то же событие: словесно-смысловая децентрализация идеологического мира, релятивизация и децентрация языкового сознания. Необходимым условием этих процессов является разложение системы национального мифа. Именно миф дает прочное основание для формирования подчиненных единому центру сознания и социальной организации, поскольку для мифа характерна «абсолютная сращенность между словом и конкретным идеологическим смыслом» [2. С. 128].

В своем исследовании связи формирования романного слова и разложения национального мифа Бахтин ссылается на работу Эрвина Роде «Греческий роман и его предшественники» [9]. Немецкий филолог «анализирует процесс разложения на эллинистической почве греческого национального мифа и связанный с этим процесс распада и измельчания форм эпоса и драмы, возможных только на почве единого и целостного национального мифа» [2. С. 210]. Здесь уместно будет вспомнить, что Эрвин Роде – близкий друг Фридриха Ницше, профессора классической филологии, высказавшего идею разложения греческой трагедии и греческого мифа как условия формирования новой «сократической» культуры. Э. Роде публиковал ряд работ, посвященных книге Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» [10]. Впоследствии идея смерти мифа преобразуется в философ-

ском мышлении Ницше в идею смерти Бога. Кризис мифического и религиозного сознания выступает, таким образом, необходимым условием становления нового типа языкового сознания, которое Бахтин характеризует как галилеевское: сознание, «отказавшееся от абсолютизма единого и единственного языка, то есть от признания своего языка единственным словесно-смысловым центром идеологического мира, и осознавшее множественность национальных и, главное, социальных языков» [2. С. 126].

Утверждение несводимой к единству множественности и гетерогенности – базовый постулат философии и культуры постмодернизма. Заслуга Бахтина состоит в том, что ему удалось проникнуть в самую сердцевину этого нарождающегося и набирающего силу типа языкового сознания. В романе мыслитель эксплицировал «орган для осознания разноречивости языка», путь, ведущий к «словесно-смысловой децентрализации мира» [2. С. 126].

Именно роман, согласно Бахтину, создает благодатную почву и среду для появления особого типа слова – «блуждающего слова», слова, «оторванного от материала и не проникнутого единством социальной идеологии, окруженного разноречием и разноязычием и лишенного в нем всякой опоры и центра» [2. С. 139]. Блуждающее слово образует противоположный стилистический и идеологический полюс по отношению к прямому авторскому слову, а также к поэтическому слову. Прямое слово предполагает непосредственное выражение авторских интенций, следовательно, постулирует, конституирует и гипостазировывает автора и субъекта. Все это идет в разрез с базовой установкой постмодернизма на деонтологизацию автора и субъекта («смерть автора» и «смерть субъекта»). Согласно Бахтину, роман не является благоприятной средой для утверждения прямого авторского слова. В романе – выступающим, согласно Бахтину, «органом осознания разноречивости языка» – прямое слово либо вовсе отсутствует, либо окружено контекстом разноречия, с которым он вступает в диалогические отношения и посредством этого релятивизируется, утрачивает свою значимость. Наконец, в тех случаях, когда прямое авторское слово действительно преобладает в романе, мы имеем дело с дефективной, неполноценной реализацией жанра. Роман должен раскрывать именно несводимую к единству множественность и гетерогенность языкового сознания. Авторский голос не может здесь выступать в качестве авторитарной инстанции, постулирующей непреложные истины. Гегемония автора в романе должна быть нейтрализована.

Поэтическое слово, согласно Бахтину, также характеризуется интенциями, противоположными романному слову. Для поэзии фактическая дезинтегрированность языкового материала выступает в качестве антисреды, в качестве «иноного», позволяющего поэзии утвердить границы своего языка. Разноречие остается за границей поэтического слова, и эта граница в поэзии не переступается: «Но поэзия, стремящаяся к пределу своей чистоты, работает на своем языке так, как если бы он был единым и единственным языком, как если бы вне его не было никакого разноречия. Поэзия держится как бы на середине территории своего языка и не приближается к

его границам, где она неизбежно соприкоснулась бы диалогически с разноречием, она остерегается заглядывать за границы своего языка» [2. С. 160]. В этом плане поэзия ближе к мифу, хотя и не тождественна с ним, как это было подробно проанализировано в «Диалектике мифа» Лосева.

Поэзия, по Бахтину, «канонизирует свой язык как единый и единственный, как если бы другого языка и не было» [2. С. 160]. Этот тезис сам по себе не является бесспорным. Трактовка поэтического языка как феномена трансгрессивного, формирующегося на основе нарушения границ языковых норм (стилистических, лексических, грамматических), представлена в работах О. Мандельштама [11], Ю.Н. Тынянова [12], Б.М. Гаспарова [13]. Однако в задачи настоящего исследования не входит рассмотрение этих концепций (ограничимся ссылками на некоторые работы прошлых лет [14, 15]).

В отличие от названных авторов, Бахтин рассматривает поэтический язык не сам по себе, а в контексте сопоставления с романной прозой. На фоне романного разноречия и диалога языков поэзия действительно раскрывается как феномен интегративный. Поэтическое слово не ориентировано на диалог. Многозначность поэтического слова происходит не из диалога различных языковых точек зрения, но из его символической самоуглубленности. Как символ поэтическое слово всегда есть встреча двух различных планов бытия. Согласно Лосеву, в поэзии, как и в мифе, утверждается вертикаль, глубина: «мифический и поэтический образ суть оба вместе виды *выразительной формы* вообще... [Выражение] – это синтез “внутреннего” и “внешнего”, – *сила*, заставляющая “внутреннее” *проявляться*, а “внешнее” – тянуть в глубину “внутреннего”. Выражение всегда динамично и подвижно, и *направление* этого движения есть всегда от “внутреннего” к “внешнему” и от “внешнего” к “внутреннему”. Выражение – арена встречи двух энергий, из глубины и извне, и их взаимообщение в некоем цельном и неделимом образе, который сразу есть и то и другое, так что уже нельзя решить, где тут “внутреннее” и где тут “внешнее”» [6. С. 105]. Многозначность символа апофатична: глубина не может быть исчерпана в выражении: «Так, символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого, понятного, и – вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности. В вечно нарождающихся и вечно тающих его смысловых энергиях – вся сила и значимость символа, и его понятность уходит неудержимой энергией в бесконечную глубину непонятности, апофатизма, как равно и неотразимо возвращается оттуда на свет умного и чистого созерцания. Символ есть смысловое круговращение алогической мощи непознаваемого, алогическое круговращение смысловой мощи познания» [3. С. 179].

В романе, согласно Бахтину, утверждается многозначность, но не символическая, а лишь подобная символической: «Образ становится многозначным, как символ» [2. С. 170]. «Как» здесь очень значимо в плане разграничения образа в романе и образа в мифе и поэзии. Многозначность романного образа не символического характера, она лишена направленности на глубину. Это многозначность поверхности, горизонтального пере-

сечения различных точек зрения и языковых миров: «образ становится открытым, живым взаимодействием миров, точек зрения, акцентов. Отсюда – возможность переакцентуации такого образа, возможность разных отношений к звучащему внутри образа спору, разных позиций в этом споре и, следовательно, разных истолкований самого образа» [2. С. 170]. Здесь представлены истоки сугубо постмодернистской многозначности, основанной на игре различными точками зрениями и «дискурсами».

Согласно Бахтину, романский жанр посредством пародирования и травестирования раскрывает ограниченность и односторонность любых «прямых жанров», любого прямого слова (эпического, трагического, лирического, философского). Роман показывает, что в силу своей ограниченности и односторонности прямое слово не способно вместить в себя действительность, которая в силу своей противоречивости всегда шире и богаче любого серьезного, прямого высказывания: «Прямое серьезное, слово, ставшее смеховым образом слова, раскрывается в своей ограниченности и неполноте» [2. С. 202].

Однако выше мы показали, что, согласно Лосеву, мифическому и поэтическому слову отнюдь не присуща ограниченная односторонность, что, напротив, символ характеризуется апофатической глубиной, которая носит диалектический характер. Символ неисчерпаем, поскольку представляет собой антиномическую конструкцию смысла. «Прямые жанры» становятся односторонними лишь тогда, когда утрачивают свою символическую глубину, когда теряют связь с мифом и переходят к риторике. Именно это произошло с античной трагедией, как показал Ницше: мифический символизм, «дионисийская» основа творений Эсхила и Софокла, сменился у Еврипида рассудочным психологизмом. Подлинный, живой миф умер для Еврипида («der Mythusstarb»), и он вывел на сцену искусственный, поддельный миф («einen nachgemachten, maskirten Mythus») [16. S. 54]. Вырождение мифа приводит к вырождению тех жанров, которые Бахтин называет «прямыми»: эпоса и трагедии. Поэтическое слово, утрачивая мифическую подоснову, перестаёт быть антиномической конструкцией смысла. Апофатизм и антиномизм заменяются риторикой, происходит сепарация односторонних и ограниченных компонентов смысла.

В этой ситуации восстановление утраченной многогранности смысла становится возможным посредством пародирования и осмеяния «изолгавшегося» прямого слова. Создаются предпосылки для формирования романного жанра в качестве ответа на разложение мифического языкового сознания. Бахтин показал, что в истории европейской литературы по этому пути пошел Рабле: «Истина восстанавливается путем доведения лжи до абсурда, но сама она не ищет слов, боится запутаться в слове, погрязнуть в словесной патетике» [2. С. 67]. Раблезианский роман выражает событие разложения культуры европейского Средневековья. В аналогичной ситуации оказывается Фридрих Ницше: его «Так говорил Заратустра» представляет собой амальгаму пародийных и смеховых жанров, «пародийно-травестирующих форм» [17]. Как по своим жанровым особенностям, так и

по своей идейной направленности «Так говорил Заратустра» занимает место в одном ряду с произведениями Лукиана и Рабле. Подобно названным авторам, для Ницше основной задачей здесь было «создать смеховой и критический корректив ко всем существующим прямым жанрам, языкам, стилям, голосам, заставить ощутить за ними иную, не уловимую ими противоречивую реальность» [2. С. 205]. «Смерть Бога» есть не что иное, как событие разложения мифа, гибели прасимвола европейской культуры. Отсюда берет свой исток ситуация «утраты доверия к метанарративам», ситуация постмодерна [18].

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что в вопросе о слове и языке Лосев и Бахтин являются исключительно антагонистами. Бахтин – Прометей постмодернизма, усматривающий исток романного разноречия в разложении мифического сознания. Лосев движется в противоположном направлении, представляя слово именно в качестве мифа. Интеллектуальная культура постмодернизма разворачивается в направлении, которое было разработано Бахтиным: достаточно назвать имена Р. Барта, Ю. Кристевой, Ж. Деррида, Ж. Делеза. Лосев со своей философией имени и диалектикой мифа оказывается вне этих тенденций современности. В вопросе о слове и языке Лосев вместе с такими представителями русской религиозной философии, как П. Флоренский, В. Эрн и С. Булгаков, образует значимую антитезу культуре постмодернизма. Концепция Лосева обращена в глубь веков, уходя корнями в историю «имяславских» споров [19]. Бахтин в своих разработках раскрывает истоки языкового сознания культуры постмодернизма.

Вместе с тем и концепция Лосева, и концепция Бахтина складываются в общей культурно-исторической ситуации. Процесс разложения национального мифа является отправным пунктом не только для теории романа Бахтина, но и для учения о слове в мифе Лосева. Бахтин сосредотачивает внимание на анализе той формы литературного сознания, в которой этот процесс освобождения языка от власти мифа получил наиболее полное воплощение. Лосев ретроспективно раскрывает онтолингвистические истоки мифического языка и в завуалированной форме высказывает надежду на грядущее освобождение мифа от гегемонии научной рациональности (которая для Лосева сама является мифом). В свое время в аналогичном направлении двигался Ницше в «Рождении трагедии».

Список источников

1. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 463 с.
2. Бахтин М.М. Слово в романе. СПб. : Пальмира, 2017. 229 с.
3. Лосев А.Ф. Философия имени. М. : Академический проект, 2009. 300 с.
4. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 2001. xix+198 p.
5. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М. : Интрада, 1996. 256 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М. : АСТ, 2021. 448 с.

7. Gogottishvili L.A. A.F. Losev's Radical Lingva-Philosophical Project // *Studies in East European Thought*. 2004. Vol. 56. № 2-3.
8. Шпенглер О. Закат Европы. Минск : Харвест ; Москва : АСТ, 2000. 1376 с.
9. Rohde E. *Der griechische Roman und seine Verläufer*. Leipzig : Breitkopf u. Härtel, 1876. 552 S.
10. Роде Э. Реферат для «Центральной литературной газеты» // Рождение трагедии. М. : AdMarginem, 2001. С. 219–228.
11. Мандельштам О. Разговор о Данте // Сочинения: Стихотворения. Проза. Эссе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. С. 676–740.
12. Тынянов Ю.Н. Проблема стихотворного языка. М. : КомКнига, 2007. 184 с.
13. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
14. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–67. doi: 10.17223/15617793/419/7
15. Фаритов В.Т. Феномены границы и трансгрессии в исследованиях Ю.М. Лотмана: онтологические основания семиотической философии // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 77–82. doi: 10.17223/15617793/434/9
16. Nietzsche F. *Gesammelte Werke*. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2012. 972 S.
17. Фаритов В.Т. Элементы народно-смеховой культуры в «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше (Ницше и Бахтин) // *Litera*. 2016. № 3. С. 60–74. doi: 10.7256/2409-8698.2016.3.19305
18. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М. : Алетеия, 1998. 160 с.
19. Епископ Иларион (Алфеев). Священная тайна церкви. Введение в историю и проблематику имяславских споров. М. : ИД Познание, 2021. 1072 с.

References

1. Mikeshtina, L.A. (2016) *Sovremennaya epistemologiya gumanitarnogo znaniya: mezhdisziplinarnye sintezy* [Modern Epistemology of Humanitarian Knowledge: Interdisciplinary syntheses]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
2. Bakhtin, M.M. (2017) *Slovo v romane* [The Word in the Novel]. Saint Petersburg: Pal'mira.
3. Losev, A.F. (2009) *Filosofiya imeni* [Philosophy of the Name]. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
4. Laclau, E. & Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
5. Il'in, I.P. (1996) *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Post – structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow: Intrada.
6. Losev, A.F. (2021) *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Moscow: AST.
7. Gogottishvili, L.A. (2004) A.F. Losev's Radical Lingva-Philosophical Project. *Studies in East European Thought*. 2–3 (56).
8. Spengler, O. (2000) *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Translated from German. Minsk: Kharvest; Moscow: AST.
9. Rohde, E. (1876) *Der griechische Roman und seine Verläufer*. Leipzig: Breitkopf u. Härtel.
10. Rohde, E. (2001) Referat dlya "Tsentral'noy literaturnoy gazety" [Abstract for the "Central Literary Newspaper"]. In: Nietzsche, F. *Rozhdenie tragedii* [The Birth of Tragedy]. Translated from German. Moscow: AdMarginem. pp. 219–228.
11. Mandel'shtam, O. (2004) Razgovor o Dante [Conversation about Dante]. In: Mandel'shtam, O. *Sochineniya: Stikhotvoreniya. Proza. Esse* [Works: Poems. Prose. Essay]. Ye-katerinburg: U-Faktoriya. pp. 676–740.

12. Tynyanov, Yu.N. (2007) *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of the Poetic Language]. Moscow: KomKniga.
13. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, Memory, Image. Linguistics of linguistic existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
14. Faritov, V.T. (2017) Semiotics of transgression: Yu.M. Lotman as a literary critic and philosopher. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–67. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/7
15. Faritov, V.T. (2018) Phenomena of border and transgression in Yuri Lotman's research: ontological bases of the semiotic philosophy. *Vestnik Tomskego gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. pp. 77–82. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/434/9
16. Nietzsche, F. (2012) *Gesammelte Werke*. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
17. Faritov, V.T. (2016) Elementy narodno-smekhovoy kul'tury v "Tak govoril Zarathustra" F. Nitsshe (Nitsshe i Bakhtin) [Elements of folk-laughing culture in "Thus Spoke Zarathustra" by F. Nietzsche (Nietzsche and Bakhtin)]. *Litera*. 3. pp. 60–74. DOI: 10.7256/2409-8698.2016.3.19305
18. Lyotard, J.-F. (1998) *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: Aleteyya.
19. Bishop Hilarion (Alfeyev). (2021) *Svyashchennaya tayna tserkvi. Vvedenie v istoriyu i problematiku imyaslavskikh sporov* [The Sacred Secret of the Church. Introduction to the history and issues of Imiallywan disputes]. Moscow: ID Poznanie.

Информация об авторе:

Фаритов В.Т. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета (Самара, Россия). E-mail: vfar@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.T. Faritov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Samara State Technical University (Samara, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.02.2022;
одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 28.02.2022;
approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 16.11.2022.*